

— Скажите мне! Всё, что вы говорите, — ложь! Вэй Чэнь не предавал Тауэр-зону, не предавал меня! — Взгляд Хань Цзюня был гораздо более рассеянным, чем его слова. Он выглядел так, будто полностью отказался от рассудка, позволив себе превратиться в зверя, одержимого одной мыслью. Он сражался с Цинь Юнн्यानем, полагаясь на боевые инстинкты, но физическая слабость, вызванная недавним выздоровлением, в конечном итоге повлияла на его силу, скорость и даже выносливость.

Запыхавшийся Цинь Юнн्यानь, воспользовавшись моментом, швырнул Хань Цзюня на холодный кафельный пол, затем быстро взгромоздился на него сверху, прижав правую руку коленом.

— Очнись! Посмотри, кто перед тобой! — Цинь Юнн्यानь крепко держал левую руку Хань Цзюня и со всей силы ударил его по лицу.

От удара у Хань Цзюня потемнело в глазах. Во рту появился вкус железа, а челюсть болела так, будто её вот-вот раздробят.

По мере того как ментальное море Хань Цзюня приходило в сильное волнение, его духовное тело Белого тигра также не могло больше сохранять материальную форму. Как только бурый медведь Цинь Юнн्यानя сбил его с ног лапой и приготовился вцепиться зубами, тигр исчез из виду, вернувшись в начинающее разрушаться ментальное море Хань Цзюня.

Увидев, что Хань Цзюнь, похоже, сдался, Цинь Юнн्यानь наконец немного расслабился. Он не ожидал, что Хань Цзюнь, всё ещё такой слабый, внезапно проявит такую ужасающую силу. Если бы не многолетнее лечение, приведшее к деградации тела, Цинь Юнн्यानь вряд ли смог бы так легко обезвредить Хань Цзюня.

— Принесите транквилизатор! — Цинь Юнн्यानь заранее приказал подготовить транквилизатор, так как они опасались, что сегодняшний допрос может слишком сильно взволновать Хань Цзюня.

Инь Фэйюань поспешно передал одноразовый шприц. В прозрачном шприце находился голубой транквилизатор — на данный момент самое эффективное успокоительное и анестезирующее средство в Чёрной Башне, дорогое и редкое. Обычно они не выбирали такие продвинутые препараты для больных Стражей, но устойчивость тела к обычным транквилизаторам, а также статус Верховного Стража делали Хань Цзюня достойным «особого обращения».

— Будь умницей, слушайся, — сквозь зубы пробормотал Цинь Юнн्यानь. Хотя ему и удалось обезвредить Хань Цзюня, он заплатил за это немалую цену. Надбровная дуга была ранена, и кровь постепенно затуманивала его зрение.

С трудом прижав одноразовый шприц к основанию шеи Хань Цзюня и введя препарат, Цинь Юнн्यानь наконец отпустил его.

Хань Цзюнь, находясь в полубессознательном состоянии, быстро поддался действию

препарата. Он упрямо открывал глаза, его губы слабо шевелились, повторяя бессмысленные слова.

— Не может быть... Всё, что вы говорите, — ложь... Не может быть...

В конце концов голос Хань Цзюня становился всё тише, он не мог сопротивляться действию транквилизатора и беспомощно погрузился в сон.

Только теперь Цинь Юннень смог достать из кармана платок и прижать его к ране на брови. Он с досадой уставился на находящегося в бессознательном состоянии Хань Цзюня, тихо выругался, а затем снова поднял взгляд на Инь Фэйюаня.

— Ну что, он действительно потерял память?

Инь Фэйюань немного замешкался, но в конце концов кивнул:

— Да. Если точнее, его память, должно быть, подверглась какому-то воздействию, что привело к частичной потере.

Услышав ответ Инь Фэйюаня, Цинь Юннень вдруг тихо усмехнулся, но этот мимолётный смешок был хорошо скрыт. Когда он повернулся к членам Специального комитета, на его лицо легла стандартная серьёзная маска, подобающая второму лицу в Тауэр-зоне.

— Расследование в отношении Хань Цзюня на этом завершено. Похоже, он не имеет отношения к Крыльям Свободы. Пока истина не будет полностью раскрыта, любые сведения об этом инциденте мы должны хранить в строжайшей тайне, ни в коем случае не допуская утечек вовне, к сведению Объединённого правительства. Понятно? — Цинь Юннень холодно окинул взглядом присутствующих. Огромный медведь позади него, тяжело сопя, создавал в комнате незримое чувство давления.

— Понятно, — почти хором ответили все. Они делали это не из-за страха перед властью второго лица Тауэр-зоны, а потому что, как члены сообщества сверхспособных, давно поняли: только тесное единство даст сверхспособным будущее.

После того как члены Специального комитета разошлись, Цинь Юннень вызвал Линь Шаоаня для лечения Хань Цзюня. Возможно, опасаясь непредвиденных ситуаций, Инь Фэйюань также остался.

— Как его состояние? — Цинь Юннень, быстро обработав рану на брови, вскоре появился в палате Хань Цзюня.

— Признаков безумия нет. Однако его ментальный бастион частично разрушен. Это не очень серьёзная проблема, но, учитывая, что он только что оправился от синдрома берсерка, если

ситуация усугубится, он может снова впасть в это состояние. — Линь Шаоань взглянул на избитое лицо Цинь Юннзя. Хотя он не знал, что именно они сделали с Хань Цзюнем, было очевидно, что именно их действия довели его до такого состояния. В этот момент он действительно не мог не почувствовать Хань Цзюню: едва начав выздоравливать, тот снова оказался втянут в подобные передряги своими же.

Цинь Юннзя на мгновение замолчал, а затем неожиданно заговорил с Линь Шаоанем в ультимативном тоне:

— Доктор Линь, я думаю, стоит поступить так. Вы подготовите заключение о том, что текущее состояние Хань Цзюня всё ещё не позволяет ему покинуть Чёрную Башню, а я найду способ оставить его здесь для дальнейшего лечения. Так будет лучше для всех.

— Извините, я не могу этого сделать. Факт в том, что синдром берсерка Хань Цзюня взят под эффективный контроль. И хотя его ментальный бастион сейчас из-за ваших действий находится в нестабильном состоянии, я считаю, что это не окажет серьёзного влияния, если дать ему время на самостоятельное восстановление бастиона. — Линь Шаоань, упоминая о проблемах с ментальным бастионом Хань Цзюня, специально подчеркнул, что они возникли «под вашим воздействием», что было своеобразной формой протеста против этих власть имущих, не знающих сострадания к подчинённым.

Цинь Юннзя высокомерно усмехнулся. Казалось, он вовсе не слышал ни упрёков, ни объяснений Линь Шаоаня, а просто продолжал излагать свою точку зрения:

— Хань Цзюнь провёл в Чёрной Башне пять лет. Внешний мир может ему и не подойти. Бывший баловень судьбы, превратившийся в неудачника, из-за которого погибли все его товарищи, — это поистине печально. Я желаю ему добра, надеюсь, он сможет безбурно провести остаток своих дней в Чёрной Башне.

— Желаете добра? Если бы вы действительно желали ему добра, то давно применили бы эвтаназию, а не использовали его страдания, чтобы вылепить почтенного героя. Теперь, когда он наконец может жить как человек, ваши слова о его благе звучат как желание навсегда заточить его в Чёрной Башне. Председатель Цинь, раз уж вы глава Центра управления Стражами, то, пожалуйста, поймите: больные Стражи — это тоже люди, а не звери. Их нельзя вечно держать в клетке. — Если бы раньше, Линь Шаоань, возможно, и не мог представить, что будет один за другим защищать этого типа Хань Цзюня, но как его лечащий врач он отлично знал, сколько страданий тот перенёс в Чёрной Башне. Он больше, чем кто-либо, надеялся как можно скорее отправить Хань Цзюня прочь — будь то через эвтаназию или через излечение. Он ни за что не позволит излеченному Стражу снова остаться в Чёрной Башне.

Внезапно спящий Хань Цзюнь издал болезненный стон. Линь Шаоань взглянул на экран монитора на панели управления и сказал Цинь Юннзяю:

— Он просыпается. Чтобы не провоцировать его снова, пожалуйста, уйдите.

— Ладно. Но перед этим вам лучше ещё раз спросить самого Хань Цзюня о его желаниях. — Цинь Юннень отказался от попыток убедить Линь Шаоаня. Чёрная Башня занимала особое положение в Тауэр-зоне, и даже как второе лицо он не мог легко вмешиваться в решения врачей внутри Башни. Таково было правило, установленное первым главой Тауэр-зоны: профессиональные вопросы должны решать профессионалы. Сверхспособные должны были создать более справедливую и честную систему, чем у Объединённого правительства, иначе их падение было бы проще и быстрее, чем у обычных людей.

Инь Фэйюань покинул Чёрную Башню вместе с Цинь Юнннем.

Он посмотрел на часы. Уже было время уходить с работы, и невозможность уйти вовремя вызвала у него лёгкое раздражение. А боль от того, что ментальные щупальца были дважды перерезаны Хань Цзюнем, до сих пор ноющей волной отдавалась в его ментальном море.

<http://bllate.org/book/15254/1345158>